

В Чили для того, чтобы поступить в ведущие университеты страны (государственные или частные), тоже нужно сдать национальный вступительный экзамен PSU (Университетский отборочный тест), основная критика которого связана с тем, что он только подкрепляет социальную дискриминацию. Согласно данным ОЭСР за 2009 год о системе послешкольного образования в Чили, «PSU ведет к неравномерному распределению мест в вузах среди представителей различных социально-экономических групп: ребенок из частной школы и богатой семьи с большей вероятностью сдаст PSU, чем ребенок из муниципальной школы и бедной семьи, а если ребенок из бедной семьи его и сдаст, то маловероятно, что он получит высокий балл, который даст ему возможность поступить в один из лучших университетов и рассчитывать на финансовую поддержку».

Предложения для реформы

В Бразилии разговор об экзамене ENEM напрямую связан с разговором о реформе системы среднего образования в целом. Существует идея перейти от унифицированного учебного плана к диверсифицированному, при котором язык и математика останутся базовыми предметами, а остальные предметы можно будет выбирать, ведь одни школьники заходят пойти в университет, а другим нужны будут профессионально-технические навыки, необходимые для выхода на рынок труда сразу после окончания школы. Обычная средняя школа должна давать общее и профессиональное образование, а не готовить школьников к поступлению в университеты, куда все равно пойдут лишь немногие. Экзамен ENEM должен быть направлен на оценку общих языковых и математических навыков и включать различные части для разных школьников в зависимости от того, карьеру в какой сфере они хотят построить. Вузы могли бы использовать результаты экзамена ENEM наравне с другими критериями отбора в зависимости от своих академических задач и исходя из потребностей региона.

Наконец, очевидно, что нынешняя практика проведения бумажных экзаменов раз в год по всей стране неразумна. Экзамены должны проводиться в различных точках несколько раз в год с использованием современных технологий и устройств, как это принято во многих других странах мира. Единый национальный экзамен не является первопричиной отсутствия равного доступа к высшему образованию, но никакого смысла защищать систему, которая только усугубляет неравенство, нет.

Противостояние исламистов и секуляристов в вузах Туниса

Аманда то Зет

*Аманда то Зет — аспирантка Института политологии Марбургского университета, Германия.
E-mail: Amanda.tho.Seeth@gmx.de*

Авторитарный режим президента Бен Али пал пять лет назад, в январе 2011 года, но конфликт между сторонниками светского и религиозного государства в Тунисе до сих пор далек от разрешения. С приходом демократии в обществе и в политике громче зазвучали призывы исламистов к большому благочестию, ставящие светский имидж Туниса под угрозу. В университетах, которые после долгих десятилетий подавления религии и деполитизации стали площадками, на которых выступают политические оппозиционеры и активисты, тоже чувствуется раскол между религиозными фанатиками и антиклерикалами.

Исламисты контролируют ученые советы университетов

Начиная с 1970-х годов правительство страны вкладывало большие средства в развитие системы высшего образования и поддержание крепких международных связей: языком преподавания и науки был французский, а в 2006 году Тунис присоединился к Болонскому процессу. Благодаря этому университеты Туниса славились своей репутацией по всему арабскому миру. Падение авторитарного режима Бен Али привело к демократизации тунисского высшего образования. Если раньше на территории вузов на каждом углу можно было встретить представителей университетской полиции, то после политического переворота они мгновенно исчезли. Переходное правительство также внесло ряд существенных поправок в закон о высшем образовании. Теперь деканы факультетов и директора подразделений демократически избираются членами соответствующих ученых советов (сроком на три года), а ректора выбирает ученый совет университета. С одной стороны, вузы во многом находятся на передовой тунисского общества, а с другой — демократизация привела к обострению конфликтов между религиозными и светскими силами, особенно среди студентов.

По большому счету, студенты разделились на два лагеря: к первому принадлежат сторонники левой организации «Всеобщий тунисский студенческий союз» (UGET), ко второму — их противники из религиозного «Всеобщего союза тунисских студентов» (UGTE),

связанного с умеренно исламистской Партией возрождения («Хизб ан-нахда»). До переворота 2011 года деятельность и UGTE, и Партии возрождения была запрещена, но теперь это весомые политические силы, которые в состоянии повлиять на будущее тунисского высшего образования. В ноябре 2015 года во время университетских выборов UGTE впервые одержал победу над UGET: исламистам досталось в общей сложности 224 (42%) места из 528, а UGET (представители этой организации раньше доминировали в ученых советах университетов) — всего 110 мест, а 114 мест остаются вакантными.

Падение авторитарного режима Бен Али привело к демократизации тунисского высшего образования.

Ученый совет каждого университета состоит из ректора, руководителей подразделений и представителей студентов и управляет такими внутренними процессами, как разработка и утверждение учебных программ, кадровые вопросы, развитие сотрудничества с внешними партнерами. Пока неясно, как засилье членов религиозного студенческого союза повлияет на учебную программу, приведет ли оно к гендерной сегрегации, введению религиозного «дресс-кода» или к укреплению связей с вузами более консервативных мусульманских стран, например стран Персидского залива.

Поскольку считается, что соотношение сил в университетских советах отражает политические предпочтения общества в целом, то в СМИ стала широко обсуждаться тема укрепления парламентских позиций Партии возрождения. Члены «Хизб ан-нахда» возглавляли переходное правительство Туниса в период с 2011 по 2014 год, но на выборах 2014 года уступили первое место секуляристской партии «Нидаа Тунис». В нынешнем кабинете министров, сформированном в феврале 2015 года, у партии «Хизб ан-нахда» довольно скромная роль: ей досталось лишь Министерство труда и занятости. Однако с ноября 2015 года ей принадлежит большинство мест в парламенте, потому что из-за внутрипартийных разборок 31 депутат от партии «Нидаа Тунис» сложил свои полномочия. Тот факт, что правящая партия сдала свои позиции в парламенте, в то время как исламисты заняли лидирующие позиции в университетских советах, может привести к укреплению последних в общественно-политической сфере в целом.

Салафиты провоцируют агрессию

Пока неясно, планируют ли UGTE и Партия возрождения заняться исламизацией университетов, но уже наблюдается эскалация и радикализация противостояния в вузах между секуляристами и сторонниками агрессивных исламистских организаций, в частности салафитской группировки «Ансан аль-шариа» («Сторонники шариата»), что оказывает значительное влияние на университеты. Вопиющим случаем провокации насилия стала так называемая «манубская стычка» в Университете Манубы, традиционно придерживающемся левых взглядов. Запрет на ношение никаба на территории вуза привел в 2011–2012 годах к акциям протеста со стороны салафитов, проходившим с применением насилия. В ходе протестов радикалы даже напали на декана факультета гуманитарных наук Хабиба Каздагли и некоторое время удерживали его в заложниках. Каздагли особенно не угодил салафитам тем, что в сферу его научных интересов входит долгая и богатая история тунисских евреев. Каздагли до сих пор вынужден жить под охраной полиции.

Более того, салафиты сняли тунисский флаг с Университета Манубы и заменили его черным флагом, на котором написана шахада (свидетельство веры в исламе) и который стал символом присутствия салафитов. После того как студентка Хаула Рахиди залезла на флагшток и сняла с него черный флаг, ее жестоко избили. За свое мужество Рахиди была удостоена аудиенции у президента Туниса Монсефа Марзуки. Однако Министерство высшего образования и науки, которым тогда управляла Партия возрождения, отстранилось и не вмешивалось в ситуацию в Университете Манубы в ходе всего противостояния. Монсеф бен-Салем, который в тот период возглавлял министерство, предпочел замять конфликт и в сентябре 2012 года объявил, что носить никаб на территории университетов можно. По слухам, в протестах против запрета на ношение никаба участвовали также члены UGTE и Партии возрождения.

Между терроризмом и реформами

Демократизация политической системы Туниса привела к тому, что эта страна стала идеологическим противником и мишенью для неоднократных терактов со стороны «Исламского государства» (террористическая группировка, деятельность которой запрещена на территории России. — *Ред.*). ИГ повлияло и на деятельность тунисских вузов: после терактов правительство Туниса объявляло в стране чрезвычайное положение и по соображениям безопасности вводило комендантский час, из-за чего вечерние занятия в вузах временно отменялись и студенты не могли в полном объеме освоить учебную программу.

Хотя в целом тунисские студенты получают достаточно хорошее образование, вузы выпускают слишком много специалистов: национальный рынок труда просто не в состоянии принять столько человек.

Непрекращающийся экономический кризис и высокая безработица ведут к тому, что, согласно имеющимся данным, в Тунисе «Исламскому государству» удастся завербовать больше наемников, чем в любой другой стране. После перехода к демократии протесты и голодовки в вузах стали довольно частым явлением, особенно со стороны студентов-леваков, связанных с UGET и недовольных отсутствием у людей с высшим образованием перспектив трудоустройства.

Тем не менее каждое правительство, которое побывало у власти после переворота 2011 года, возлагало большие надежды на роль вузов в политическом, общественном и экономическом развитии страны, что отражено в «Стратегическом плане по реформированию высшего образования и науки на 2015–2025 годы». Этот план нацелен на налаживание прочных связей между рынком труда и вузами, которые благодаря своей автономности должны стать ключевыми проводниками демократизации в обществе.

Франц Фанон и южноафриканское движение #MustFall

Тьерри Люшер

Тьерри Люшер — заместитель директора по институциональным исследованиям Университета Фри-Стейта (Блумфонтейн, ЮАР). E-mail: thierryluescher@outlook.com

Критики Франца Фанона порицают его за то, что он проповедовал применение насилия в борьбе за деколонизацию — он называл это очистительным мути («лекарство» по-зулусски), которое позволит кореным народам Африки побороть паразитов-колонизаторов. Однако поколения, которые благодаря Нельсону Манделе родились уже свободными, считают Фанона современным пророком, чья книга «Проклятые мира сего» стала предвозвестником воцарившегося в ЮАР неокOLONIALИЗМА: погрязшая в показном расточительстве элита, развращенная и вставшая в бездеятельность Партия освобождения, миллионы бедняков — в целом страна находится в политическом, экономическом и культурном упадке. Южноафриканцы разочарованы, а черная молодежь разъярена. Один из студентов — участников многочисленных протестов 2015 года держал красноречивый плакат: «В 1994 году моим родителям продали мечту. Я пришел за компенсацией».

#RhodesMustFall

Движение #MustFall захватило ЮАР врасплох. Все началось, причем самым неприглядным образом, 9 марта 2015 года в Университете Кейптауна (UCT). Мир облетело сообщение о том, что один из студентов UCT измазал возвышавшуюся в центре кампуса статую Сесилия Джона Родса человеческими экскрементами. Родс — один из величайших сынов Кейптауна: горнодобывающий магнат, бывший премьер-министр Капской колонии, покоритель отдаленных районов. Родс выделил под строительство UCT землю, на которой до сих пор расположена большая часть зданий вуза. Первой стадией захвативших ЮАР в 2015 году студенческих протестов стало движение #RhodesMustFall («Родс должен пасть»). Чернокорые студенты научились говорить о том, «что значит быть черным в университете», и вместе с Родсом сбросили выданные им институциональной культурой белые маски на свалку истории.

Движение #RhodesMustFall, которое сподвигло студентов на борьбу против статуи Родса, благополучно исчезло с экранов телевизоров после 9 апреля 2015 года, когда статуя была снесена. Однако резекция этой «симптоматичной болячки» ознаменовала начало «деколонизации по Фанону», которая направлена на исцеление университетов постапартеидного периода и формирование нового интеллектуального пространства. Кхолела Мангцзу, профессор социологии Университета Кейптауна, написал в своей заметке в University World News в марте 2015 года, что стилистика дискуссий в оккупированных студентами зданиях UCT, которые ему довелось слышать, «не могла сравниться ни с чем, что он слышал до этого в Университете Кейптауна, Корнелльском университете, Гарварде и других вузах, где он бывал».

От #RhodesMustFall к #FeesMustFall

Бунтари по всей стране вдохновились движением #RhodesMustFall. Даже в вузах США статуи Томаса Джефферсона, Вудро Вильсона, Джефферсона Дэвиса и прочих затряслись от страха. В ЮАР в соответствии со знаменитым высказыванием Фанона о том, что «каждое поколение должно отыскать в относительной тьме свое предназначение и либо реализовать, либо предать его», студенты других южноафриканских вузов тоже начали задаваться вопросом, что бы снести. В UCT эта участь постигла статую Родса. В Университете Стелленбоса началось движение #OpenStellies («Открытый Стелленбос»), которое возобновило дискуссию о языке (taal debat), поскольку вуз, по сути, разделен на два противоборствующих лагеря: белые студенты, говорящие в основном на африкаанс, и преимущественно англоязычные черные студенты. После этого разнообразные движения стали расти как грибы после дождя: #BlackStudentsMovement («Движение белых студентов»), #Luister («Слушай»), #PatriarchyMustFall («Патриархат должен пасть»), #ReformPukke («За реформу Пюкке»), #SteynMustFall